

Тань Цзипин смотрел на фигуру на земле — упрямую, до боли щемящую сердце. Мысленно он отсчитывал секунды вместе с ним: тридцать шесть, тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять...

На шестидесяти он не выдержал и негромко позвал:

— Сяо-Сяо.

Он думал, что Тань Сяо радостно бросится ему навстречу, но тот замер.

Тань Сяо вскинул голову. Пустой переулок звенел тишиной, лишенный уличного шума, так что этот зов долетел до него отчетливо.

Он оцепенел. Напрягся, словно струна, но оборачиваться не спешил.

Тань Цзипин смягчил голос, почти умоляюще нашептывая:

— Обернись. Посмотри на меня.

Тань Сяо не двигался. Он лишь едва заметно повел головой в сторону, но тут же заставил себя выпрямиться. Точно прилежный ученик под строгим надзором учителя, он сидел чинно и ровно, не смея послушаться.

— Не надо, — он качнул головой, и голос его прозвучал на удивление ровно. — Если я обернусь, ты исчезнешь.

У Тань Цзипина перехватило дыхание, к горлу подступил тяжелый ком. Больше всего на свете ему хотелось сделать шаг, сжать Тань Сяо в объятиях, но ноги налились свинцом, прирастая к брусчатке. Он мог лишь стоять и смотреть — безотрывно, до рези в глазах.

Тань Сяо посидел так еще немного. Возможно, пришел к какому-то внутреннему согласию, а быть может, слишком привык к тому, что его призывы всегда тонут в пустоте. Отряхнув колени, он уперся ладонями в землю, собираясь подняться.

Вдруг с вершины забора бесшумно соскользнул крошечный черный котенок. Он приземлился прямо перед Тань Сяо, застывшим в полуприседе, и уставился на него круглыми любопытными глазами.

— Мяу, — котенок уселся, поджав задние лапки, шевельнул ушками и тоненько, жалобно пискнул.

Тань Сяо на мгновение растерялся, снова опустился на корточки и несмело повторил:

— Мяу?

Услышав человеческий отклик, пришелец радостно зацеловал воздух хвостом. Осмелев, он подобрался ближе к лицу Тань Сяо и восторженно заурчал:

— Мяу-у-у!

Тань Сяо раскрыл ладонь. Котенок тут же доверчиво ткнулся лобиком в его пальцы, тихо ластясь:

— Мяу...

— Ты тоже совсем один? — Тань Сяо ласково погладил его по крошечной голове.

Малыш шершавым язычком лизнул его палец, не отрывая сияющего во тьме взгляда от лица нового знакомого.

— Мяу-мяу!

— И я один, — прошептал Тань Сяо с тихой грустью и бережно прижал пушистый комок к груди. — И у меня нет дома.

Он приподнял котенка на уровень глаз и, вглядываясь в его зрачки, серьезно спросил:

— Давай... давай жить вместе? Я буду очень хорошо о тебе заботиться. Ты согласен... согласен пойти со мной?

Маленькая мягкая лапка коснулась щеки Тань Сяо, будто бы скрепляя договор. Котенок одобрительно заголосил:

— Мяу! Мяу-у!

— Вот и славно, — Тань Сяо прижал его поплотнее, утыкаясь носом в пушистую макушку, в голосе его прорезались теплые нотки. — Я буду защищать тебя. Я заберу тебя домой. Теперь мы семья...

— Мяу...

— Пошли... я отведу тебя домой...

Прижимая к себе котенка одной рукой, Тань Сяо попытался подняться на ноги. Но колени предательски подогнулись, и он, покачнувшись, стал заваливаться назад. Чисто инстинктивно он извернулся всем телом, прикрывая собой пушистого спутника, зажмурился и приготовился к неминуемому удару о холодный асфальт.

Секунда, две, три... Боли не было.

Он приоткрыл глаза. Картинка перед взором медленно обретала резкость. Вздурораженное, такое до боли знакомое лицо. И запах — родной, едва уловимый, который можно почувствовать, только оказавшись совсем близко.

Кто-то подхватил его. И этот кто-то был ему бесконечно дорог. Кто же это?.. Кто ты? И почему от одного взгляда на тебя так ноет сердце?

— Сяо-Сяо? — Тань Цзипин крепко обнимал его за талию, удерживая от падения.

Тань Сяо смотрел рассеянно, с глубокой, почти осязаемой тоской.

Цзипин нахмурился, потянулся рукой к его щеке, желая привести в чувство. Но в этот миг Тань Сяо сам поднял руку. Котенок испуганно пискнул, выкарабкался из его объятий и спрыгнул на землю, начав виться у их ног.

Тань Сяо коснулся лица мужчины. Жест был робким, невесомым, словно он боялся разрушить хрупкое видение. Из глаз его хлынули слезы. Голос зазвучал ласково, прерывисто, с той безграничной нежностью, которая бывает лишь у любящих сердец:

— Цзипин... я так соскучился.

Ло Фэну всегда казалось, что они с Тань Сяо принадлежат к совершенно разным мирам. Тань Сяо был мудр, хладнокровен, дьявольски умен и чертовски хорош собой.

Определенно, создавая его, Господь потратил куда больше времени и усердия, чем на Ло Фэна, отчего Тань Сяо во всем превосходил его самого — парня, вообще-то, далеко не промах.

И вот этот безупречный со всех сторон Тань Сяо умудрился намертво увязнуть в отношениях с невыносимым типом по имени Тань Цзипин.

Как Ло Фэн уже не раз замечал, в вопросах, не связанных с чувствами, Тань Сяо не знал себе равных. Его хладнокровие и острый ум позволяли щелкать любые проблемы как орехи. Но стоило на горизонте появиться Тань Цзипину, как вся эта броня рассыпалась в прах. Единственный человек, заставивший его потерять равновесие. Эта слабость затянулась на долгие семь лет, и кто знает — впереди вполне могли быть еще семь, а за ними еще и еще. Сплошной неразрешимый узел.

Тань Сяо как-то обмолвился, что Тань Цзипин влюбился в него с первого взгляда. Но по правде говоря, с самим Тань Сяо произошло ровно то же самое.

Их негласное знакомство состоялось еще до начала двадцать третьего баскетбольного турнира Университета W.

Все началось в кофейне, где Тань Сяо как-то дожидался Ло Фэна. Тань Цзипин сидел всего в трех столиках от него и вел с кем-то беседу.

Тань Сяо мог рассмотреть его во всех подробностях. Перед незнакомцем дымилась чашка кофе. На нем была белоснежная рубашка, поверх которой накинут бледно-желтый тонкий кардиган, а длинные, сильные ноги в черных брюках были небрежно вытянуты. Короткая, почти спортивная стрижка, строгие черты лица — весь его облик сочетал в себе суровую сдержанность и необъяснимый домашний уют. От него исходила удивительно притягательная аура.

Коротя время в ожидании друга, Тань Сяо с удовольствием разглядывал незнакомца, даже не подозревая, насколько прочно их судьбы переплетутся в будущем. Впрочем, привлекательный мужчина вскоре ушел.

Осталось легкое разочарование — хотелось посмотреть еще. Но в тот момент Тань Сяо не строил никаких планов. Это было лишь мимолетное эстетическое удовольствие. В конце концов, людям свойственно задерживать взгляд на красивых вещах, обычная человеческая природа.

Из-за своего вечного опоздания Ло Фэн упустил шанс стать свидетелем этой исторической, пусть и безмолвной, встречи.

Однако Тань Сяо запомнил его. Тот образ врезался в память крепко и надежно.

Именно поэтому позже на баскетбольной площадке случился тот долгий, наполненный сладостью обмен взглядами.

В день игры Тань Сяо, откланявшись перед восторженными трибунами болельщиков, повернул голову и внезапно столкнулся глазами с Тань Цзипином.

Тот сидел на почетных местах — высокий, статный, в безупречном черном костюме, едва скрывавшем мощные длинные ноги. Он, с волевым лицом и глубоко посаженными глазами, излучал непреклонную силу и властность.

В ту же секунду сердце Тань Сяо забилося в унисон с фанатскими барабанами — бешено, оглушительно, готовое вот-вот выпрыгнуть из груди.

Рев толпы и приветственные крики смолкли, растворились в воздухе. Остался лишь этот настойчивый, лихорадочный стук в груди.

И Тань Сяо улыбнулся ему.

В тот миг, когда их взгляды скрестились через всю площадку, искра пробежала между ними обоими. Сердце Тань Цзипина было не единственным, что дрогнуло в ту секунду.

Любовь выбирает нас мгновенно. Настоящее чувство рождается в один краткий миг.

Одного этого мига хватило, чтобы Тань Сяо без остатка отдал свое сердце. Ло Фэн прекрасно понимал: если тот мужчина сделает шаг навстречу, Тань Сяо пойдет за ним без оглядки, бросится в этот омут с головой.

Таков уж был его характер: полюбив однажды, он шел до конца, даже если впереди его ждала глухая стена.

К счастью, и Тань Цзипин, и Тань Сяо оказались людьми дела.

Когда Тань Сяо представил Тань Цзипина как своего парня, Ло Фэн остолбенел. Новость поразила его так же сильно, как если бы сборная Китая по футболу вдруг выиграла чемпионат мира.

Разумеется, Ло Фэн знал о наклонностях друга — он и сам предпочитал мужчин, так что дело было не в ориентации. Его потрясла сама скрытность Тань Сяо. Тот ухитрился обзавестись серьезными отношениями, не издав ни единого звука.

Ло Фэн ума не мог приложить, когда и при каких обстоятельствах они успели сойтись.

Они сошлись внезапно для всех, но с какой-то пугающей естественностью, совершенно не заботясь о том, какой шок испытывают окружающие.

Какое-то время Ло Фэн откровенно недолюбливал Тань Цзипина. Тот забирал себе львиную долю времени друга, из-за чего Ло Фэн вечно оставался не у дел.

К тому же инициатива почти всегда исходила от Тань Сяо.

Казалось, Тань Цзипин проявил активность лишь однажды — когда признавался в чувствах, после чего благополучно скрылся за ширмой бесконечной занятости на работе.

Чувствуя себя единственным близким человеком Тань Сяо, Ло Фэн буквально сгорал от негодования.

Он пытался открыть другу глаза, но Тань Сяо лишь добродушно поддразнивал его в ответ:

— Он мужчина, и я тоже. Какая разница, кто делает первый шаг? Да и вообще, так ли важно, кто проявляет инициативу? Со временем ты все поймешь, дорогой Сяо Фэн.

«Сяо Фэн, не имевший за плечами никакого любовного опыта, разумеется, ничего не понимал, — Ло Фэн лишь досадливо морщился, считая друга непроходимым глупцом. — Их отношения только зародились, а Тань Сяо уже увяз в них по самые уши, растворившись в этом человеке без остатка»

Пусть у него не было личной практики, но как автор сетевых романов он перебрал немало вымышленных любовных драм. И золотое правило знал назубок: тот, кто любит сильнее, всегда оказывается в проигрыше.

Ло Фэн всерьез опасался, что Тань Сяо привыкнет уступать, а когда опомнится, будет уже поздно и все закончится сокрушительным фиаско.

Тань Цзипин к тому же был типичным дельцом, прожженным прагматиком, у которого в голове крутились лишь цифры и выгода. Разве мог такой человек оценить чистую душу?

Но тогда Ло Фэн еще не понимал главного: сердцу не прикажешь, и настоящие чувства не поддаются никакой логике.

И хотя Тань Сяо души не чаял в своем избраннике, а Тань Цзипин, справедливости ради, пылинки с него сдувал, Ло Фэн упрямо продолжал дуться. В его глазах этот тип категорически не подходил его драгоценному другу.

Цзипин казался ему слишком холодным и невнимательным. Стоило делам компании пойти в гору, как он пропадал на целые дни. Ло Фэн считал, что, кроме смазливой физиономии, у этого бизнесмена нет ни единого достоинства.

А Тань Сяо без своего возлюбленного увядал, точно подрезанный цветок, лишенный солнечного тепла.

Каждая размолвка между ними лишь укрепляла Ло Фэна в мысли, что чувства Тань Цзипина поверхностны и не идут ни в какое сравнение с преданностью Тань Сяо. И от этого раздражение росло с каждым днем.

Но сам Тань Сяо, казалось, находил в этих отношениях особое упоение. Он с одинаковой благодарностью принимал и горечь разлук, и сладость встреч.

«Похоже, Сяо-Сяо решил идти с ним до самого конца, — с тоской думал Ло Фэн. — И глубина этой тоски сравнима разве что с высотой Эвереста»

Отношение Ло Фэна к Тань Цзипину изменилось лишь однажды — в канун Рождества две тысячи двенадцатого года. Тот день запомнился ему особенно ярко, потому что даже в читальном зале библиотеки тогда установили нарядную елку.

Близилась зимняя сессия. Тань Сяо без устали помогал другу готовиться к экзаменам. Они буквально прописались в библиотеке, проводя там целые дни. Тань Сяо, вооружившись текстовым редактором, терпеливо разбирал для него сложные билеты по совершенно чуждой ему специальности.

Интеллектуальные способности Ло Фэна и Тань Сяо находились в разных весовых категориях. То, что они умудрились поступить в один и тот же престижный вуз, было целиком и полностью заслугой Тань Сяо. В выпускном классе тот жертвовал собственным сном, вставал ни свет ни заря и ложился далеко за полночь, контролируя каждый шаг Ло Фэна. Он пекся о его учебе больше, чем родная мать. Неудивительно, что после сдачи экзаменов Тань Сяо похудел почти на три килограмма.

Ло Фэну было и стыдно, и бесконечно дорого это участие. В знак признательности он выпросил у родителей путевку, и они вместе провели все лето на роскошной семейной вилле на Мальдивах.

— Эй, о чем задумался? — Тань Сяо легонько щелкнул его ручкой по лбу.

— О тебе, конечно, — Ло Фэн шутливо развел руками, состроив преданную мину фаната.

Тань Сяо покачал головой и снова постучал по столу:

— Из того, что я сейчас объяснил, ты хоть что-то записал?

Ло Фэн хихикнул:

— Я быстро добежу до уборной, а как вернусь — сразу все законспектирую. Обещаю!

— Иди уже, горе мое, — беззлобно отмахнулся Тань Сяо.

Ло Фэн отсутствовал всего пару минут, но по возвращении его ждал неприятный сюрприз. Нежелательный гость уже был здесь.

Ло Фэн замер на полпути к столу, скрестив руки на груди и недовольно насупившись.

Зима две тысячи двенадцатого года в городе L выдалась мягкой. В конце декабря еще не было нужды кутаться в тяжелые пуховики. Тань Сяо сидел в простом белом свитере и легком пальто в тон. Запустив руки в карманы, он откинулся на спинку стула и прикрыл лицо раскрытой книгой, явно решив немного вздремнуть.

Их стол стоял в уединенном углу. Время близилось к началу дневных лекций, и в читальном зале почти никого не осталось.

Мягкие зимние лучи лениво пробивались сквозь высокие окна, ложась на паркет теплыми золотистыми пятнами.

Тань Цзипин бесшумно подошел со спины и замер, любуясь спящим. Лишь спустя минуту он осторожно снял с его лица увесистый том «Микроэкономики» и легонько коснулся пальцами теплой щеки.

Почувствовав прикосновение, Тань Сяо затрепетал ресницами и медленно открыл глаза.

Они замерли так на несколько секунд — один смотрел сверху вниз, другой снизу вверх. Время словно остановилось, укутав их в кокон абсолютной тишины.

Затем Тань Цзипин медленно наклонился и коснулся его губ нежным, бережным поцелуем. Они прижались друг к другу, соприкоснувшись лбами, словно пара лебедей на тихой воде — единое, неразрывное целое.

Солнечные лучи растянули тени, и они соединились, слившись воедино.

Ло Фэн, наблюдавший за этой сценой из-за книжного стеллажа, внезапно почувствовал, что его появление сейчас будет кощунством.

Даже отсюда, сквозь ряды полок, он отчетливо ощущал ту невероятную теплоту и нежность, которая связывала этих двоих. Атмосфера вокруг них буквально искрилась любовью.

«Ладно уж, так и быть. Поскольку вы не виделись целую вечность, благородный юный герой Ло дарует вам право на свидание, — великодушно рассудил он про себя»

Пригнувшись, Ло Фэн продолжил свое шпионское наблюдение из-за укрытия.

Тань Сяо понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Внезапно осознав, где находится, он испуганно дернулся вверх и зацепил головой подбородок склонившегося над ним мужчины. Тот негромко охнул.

Потирая ушибленное место, Тань Цзипин с улыбкой отодвинул соседний стул и присел рядом. В его глазах плясали веселые искорки.

— Наконец-то проснулся?

Тань Сяо воровато огляделся по сторонам и, убедившись, что свидетелей нет, заметно расслабился. Он шутливо пихнул Цзипина ногой под столом, но тут же потянулся ладонью к его подбородку, проверяя, сильно ли ударил.

— Как ты здесь оказался? — негромко спросил он.

— Соскучился, — Тань Цзипин послушно подставил лицо под его пальцы. — Очень соскучился по тебе.

Тань Сяо улыбнулся. В его глазах вспыхнул тот особенный, живой блеск, которого Ло Фэн никогда у него не видел.

— Какое совпадение, я тоже.

Тань Цзипин не сводил с него глаз с самой первой секунды. Его темные, глубокие глаза смотрели с такой обезоруживающей нежностью и преданностью, что не оставалось сомнений: этот человек сейчас видел перед собой весь мир.

— Ты обедал? — спросил Цзипин.

— Забыл, — Тань Сяо коснулся ладонью живота и обезоруживающе улыбнулся. — Слишком много думал о тебе.

На лице Тань Цзипина отразилась целая гамма чувств: он явно хотел пожурить его за безалаберность, но не нашел в себе сил сердиться.

— У тебя еще есть занятия сегодня? — с напускной строгостью осведомился он.

— В три сорок начнется лекция по экономическому праву.

Тань Цзипин перехватил его запястье и взглянул на часы:

— Сейчас половина третьего. У нас есть целый час. Пойдем перекусим, а после занятий набери мне — я приеду и заберу тебя.

— Ого, — Тань Сяо притворно округлил глаза. — Ваша контора что, обанкротилась?

Ло Фэн не выдержал и прыснул в кулак.

Тань Цзипин в ответ лишь шутливо щелкнул любимого по лбу, но тут же бережно погладил ушибленное место пальцами.

— Мечтай больше. Все в порядке с делами.

— Ну ладно, — в голосе Тань Сяо послышалось напускное разочарование. — Тогда води меня кормить.

Цзипин кивнул и, мельком взглянув на разложенные на столе конспекты, заметил имя Ло Фэна на обложке одной из тетрадей:

— Твой друг пойдет с нами?

Тань Сяо быстро захлопнул учебники и задорно покосился в сторону книжных стеллажей, где прятался Ло Фэн:

— Обойдется. Пусть сидит на сухом пайке и зубрит материал. Это ему в наказание.

— Как скажешь, — улыбнулся Тань Цзипин.

Взгляд, которым Тань Цзипин провожал каждое движение Тань Сяо, был слишком красноречив. В нем читались и неприкрытая страсть, и безграничная нежность.

Этот человек, которого Ло Фэн так долго считал негодяем, действительно был для Тань Сяо целым миром.

Ло Фэн, притаившийся за книжными полками, ощутил легкий укол досады и бессилия. То, что Тань Цзипин давал его другу, он сам не смог бы дать ему никогда.

«Ладно, пускай эти двое живут себе счастливо, — подумал он тогда»

В те дни никто из них не догадывался, сколько суровых испытаний уготовила им судьба и насколько хрупким окажется их выстраданное счастье.

<http://bllate.org/book/19554/2039277>